

Встрѣчи и столкновенія ¹⁾.

(И. И. Тутчекъ, И. А. Гончаровъ).

И. И. Тутчекъ.

Хотя я всегда въ своей литературной дѣятельности придерживался либеральныхъ началъ, свободу люблю и въ нее вѣрю, однако наши лѣвые, помню, уже на университетской скамьѣ внушали мнѣ инстинктивное нерасположеніе, и виновникомъ этого моего грѣха несомнѣнно отчасти былъ мой незабвенный опекунъ и воспитатель, генераль-отъ-инфантеріи Иванъ Ивановичъ Тутчекъ.

Въ университетѣ товарищи мнѣ постоянно толковали о косности, отсталости, невѣжествѣ правительственныхъ дѣятелей, генераловъ и бюрократовъ всякаго рода, а я вспоминалъ опекуна и лицъ, его окружавшихъ... и невольно на языкъ напрашивалось гораціевское: „Risum tenecatis, amici!“

Мой опекунъ прослужилъ около 60 лѣтъ, изъ нихъ 32 года на поляхъ сраженія въ Россіи, Германіи, Персіи, Турціи, Польшѣ, а остальные 26 лѣтъ варшавскимъ комендантомъ. Вышелъ онъ въ отставку въ 1861 г., слѣдовательно, былъ дѣятелемъ эпохи Александра I, участникомъ Отечественной войны и кампаній 1813 и 1814 г.г. (последнюю онъ совершилъ уже въ капитанскомъ чинѣ). Но болѣе отвѣтственныя должности онъ, какъ боевой офицеръ и администраторъ, занималъ при Императорѣ Николаѣ I, и поэтому его слѣдуетъ назвать дѣятелемъ по преимуществу николаевскимъ. И вотъ, когда мои товарищи называли этихъ дѣятелей фронтви-

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1912 г.

кама, людьми безъ всякой инициативы, слѣпыми исполнителями предначертаній своекорыстнаго и бездушнаго правительства, я и въ этомъ отношеніи, вспоминая моего опекуна, съ моими товарищами никакъ согласиться не могъ.

Но, можетъ быть, я былъ пристрастенъ. Этимъ вопросомъ я уже тогда задавался. Но передъ моимъ умственнымъ окомъ стояли друзья моего опекуна, также дѣятели преимущественно эпохи николаевской, и судъ моихъ товарищей казался мнѣ уже лишеннымъ всякаго фактическаго основанія.

Дѣйствительно, между этими дѣятелями на первомъ мѣстѣ стоялъ Фундуклей, Иванъ Ивановичъ, тѣзка моего опекуна, человекъ, обладавшій большимъ состояніемъ и пожертвовавшій часть его, чтобы основать въ Кіевѣ первую въ Россіи женскую гимназію, задолго до того, какъ возникли въ Петербургѣ женскія гимназіи по инициативѣ Н. А. Вышнеградскаго. Фундуклей былъ администраторъ, какихъ вообще мало. Всюду онъ вносилъ свѣтъ науки, всюду достигалъ замѣтныхъ результатовъ въ смыслѣ обезпеченія духовнаго благосостоянія управляемыхъ. Самъ страстный археологъ и экономистъ, онъ, кромѣ того, оставилъ послѣ себя рядъ капитальныхъ трудовъ по изученію мѣстностей, которыми онъ управлялъ и въ которыхъ служилъ (Кіевская губернія и Царство Польское)¹⁾. А другіе друзья моего опекуна, въ обществѣ которыхъ онъ любилъ проводить свои досуги? Надо ли указывать на заслуги Теннера, Карла Ивановича, бывшаго боевого офицера, стяжавшаго себѣ лавры и какъ астрономъ, и какъ геодезистъ; на Павлищева, Николая Ивановича, извѣстнаго историка, преподавателя и редактора, женатаго на сестрѣ Пушкина, домъ которой былъ центромъ своеобразной умственной жизни въ Варшавѣ; на Муханова, Павла Александровича, промѣнявшаго мечъ на книгу, извѣстнаго автора „Портфелей для хозяевъ“ и не менѣе извѣстнаго издателя историческихъ матеріаловъ, которые онъ собиралъ съ большою любовью и не меньшею компетентностью (за его сына вышла замужъ М. Ф. Калерджи, о которой я уже писалъ въ „Русской Старинѣ“). Но не буду удлинять этотъ списокъ николаевскихъ администраторовъ, управлявшихъ такъ называемымъ Царствомъ Польскимъ, среди которыхъ я росъ въ дѣтствѣ и юности. Какъ ни относиться къ нимъ, все-таки никому не можетъ придти на умъ, что они похожи на невѣжественныя и слѣпыя орудія въ рукахъ жестокаго правительства.

¹⁾ Нѣкоторыя черты наружности и духовнаго облика этого замѣчательнаго человека я старался олицетворить въ старикѣ Ромейкѣ въ моей повѣсти „Депутатъ“ („Павла“).

Но возвратимся къ моему опекуну. И его личность въ моемъ представленіи совсѣмъ не мирилась съ отрицательнымъ судомъ моихъ товарищей о правительственныхъ дѣятеляхъ. Напротивъ, я въ дѣтствѣ и юности восторгался его справедливостью, гуманностью, честностью, сочувствовалъ его взглядамъ и продолжаю имъ сочувствовать и теперь, сорокъ лѣтъ слишкомъ послѣ его смерти. Вотъ нѣкоторые факты, которые лучше всякихъ словъ дадутъ представленіе объ его умственномъ и нравственномъ обликѣ.

Мы живемъ на дачѣ. Мнѣ идетъ восьмой годъ. Въ погожій день за утреннимъ чаемъ опекунъ мой велитъ позвать Микиту, одного изъ двухъ вѣстовыхъ, неотлучно состоящихъ при его особѣ.

Микита, рослый казакъ, вытянувшись въ струнку, стоитъ въ дверяхъ.

— Что, барчукъ плаваетъ?

— Знать не могу, ваше превосходительство.

— Чтобы плавалъ! Пора!

— Слушаю, ваше превосходительство.

Знакъ опекуна. Микита дѣлаетъ налѣво кругомъ и уходитъ, а мнѣ страшно, но въ то же время мнѣ хочется умѣть плавать, конечно не такъ, какъ плаваетъ Микита—куда ужъ! онъ нырнетъ и вышлыветъ за версту—а все-таки немножко, чтобы держаться на водѣ. Какое ужъ въ самомъ дѣлѣ удовольствіе купаться на отмели да еще съ лентой вокругъ тѣла! Конецъ этой ленты въ рукѣ у моей гувернантки, фрейлейнъ Клары, которая сидитъ на берегу, читаетъ книгу и, чуть пойдешь дальше въ воду, тотчасъ тянетъ назадъ.

Я торжественно докладываю фрейлейнъ Кларѣ, что сегодня пойду купаться не съ нею, а съ Микитой, и очень радуюсь, когда вижу, что она удивлена и какъ будто испугана. Я чувствую себя немножко героемъ.

Вскорѣ является Микита. До берега далеко: надо идти съ полверсты. Я не трушу. Иногда только сердце слегка замреть. Но куда же мы собственно идемъ? Не туда, куда я хожу съ фрейлейнъ, а туда, гдѣ купается самъ Микита.

— Микита, ты меня будешь держать?

— Зачѣмъ держать? Барчукъ самъ поплыветъ.

Тутъ я начинаю серьезно трусить. Но я не подаю виду. Пришли къ глубокому мѣсту. Берегъ высокій. Микита быстро сбрасываетъ съ себя одежду. Я медлю. Хочется оттянуть рѣшительный моментъ. Наконецъ, и я раздѣтъ.

— Ты сперва пойдешь въ воду?—спрашиваю я Микиту.

Но онъ меня беретъ, широко осклабясь, въ свои сильныя, лов-

кія руки. Я хочу что-то сказать, но не успѣваю и—бултыхъ—ногами внизъ въ воду! Глубоко погружаюсь въ нее, начинаю неистово барахтаться, выплываю на поверхность, беспомощно озираюсь кругомъ и вижу тутъ же рядомъ съ собою доброе, улыбающееся лицо Микиты. Я успокаиваюсь: онъ не выдастъ, ни за что не выдастъ!

Когда опекунъ выходитъ къ обѣду, онъ зоветъ опять Микиту:

— Умѣеть плавать?—спрашиваетъ онъ, указывая на меня.

— Держится, ваше превосходительство.

— Послѣ завтра я самъ посмотрю.

Послѣ завтра я достаиваюсь похвалы за успѣхи: я уже плаваю на груди, на боку, на спинѣ.

Съ этого дня я во всякую погоду долженъ былъ утромъ выкупаться.

Въ это же лѣто началось для насъ съ сестрой закаливаніе иного рода. Хотя о пресловутомъ насторѣ Кнейпѣ не было тогда и рѣчи (его книжки начали выходить лишь 30 лѣтъ спустя), мы ежедневно, вставъ съ постели, должны были пробѣжаться босикомъ по двору, не обращая вниманія на погоду. Привыкнувъ къ этому съ лѣта, мы осенью и даже зимою нисколько ни тяготились этими странными утренними прогулками или, точнѣе говоря, быстрымъ бѣгомъ, послѣ котораго ноги обыкновенно такъ пріятно горѣли. Вѣроятно, послѣдствіемъ этого закаливанія было то, что я только на четвертомъ десяткѣ сталъ носить калоши, а до того обходился безъ нихъ даже въ трескучіе морозы.

По понятіямъ нынѣшнихъ сердобольныхъ родителей все это какъ будто походить на истязаніе ребенка. Но окончательно я ихъ приведу вѣроятно въ ужасъ, сообщивъ, что меня даже разъ высѣкли и, такъ какъ я очень отчетливо помню все, что я почувствовалъ въ эту непріятную минуту моей жизни, то изложу здѣсь это происшествіе къ свѣдѣнію нашихъ теоретиковъ-педагоговъ.

Врачъ предписалъ мнѣ рыбій жиръ, который въ то далекое время (1854 г.) не очищался такъ искусно, какъ теперь, и имѣлъ противнѣйшій вкусъ. Въ первый разъ я проглотилъ ложку, не моргнувъ глазомъ, но на слѣдующій день рѣшительно отказался принять рыбій жиръ. Фрейлейнъ Клара меня всячески уговаривала, но я оставался непреклоннымъ. Пришлось прибѣгнуть къ авторитету опекуна. Онъ явился и со своей стороны предложилъ мнѣ принять жиръ. Я отказался не менѣе рѣшительно, и всѣ убѣжденія, что это необходимо для здоровья, ни къ чему не привели. Тогда мнѣ предложено было выбрать между двумя непріятностями: розгами и рыбьимъ жиромъ. Я имѣлъ слабое представленіе о томъ, какую непріятность

причиняютъ человѣку розги (у насъ въ домѣ и помину о нихъ не было), а о вкусѣ рыбаго жира я имѣлъ очень ясное представленіе. Поэтому я промолчалъ. Тогда опекунъ позвалъ лакея и велѣлъ нарѣзать въ саду прутьевъ (при варшавскомъ ордонансгаузѣ, какъ тогда назывались комендантскія управленія, былъ со стороны Королевской улицы порядочный садикъ, въ которомъ мы, дѣти, провели много хорошихъ дней). Когда прутья были принесены, опекунъ еще разъ предложилъ мнѣ выбрать изъ двухъ золъ меньшее. Я снова промолчалъ. Тогда я оказался на колѣнкѣ у опекуна. Онъ мнѣ нанесъ первый ударъ, который мнѣ не причинилъ ровно никакой непріятности, и я на новое предложеніе выбрать изъ двухъ золъ меньшее, отвѣтилъ совершенно спокойно, что предпочитаю розги. Послѣдовалъ новый ударъ, на этотъ разъ болѣе чувствительный, но и онъ не убѣдилъ меня, что розги непріятнѣе рыбаго жира. Тогда послѣдовалъ третій ударъ, послѣ котораго я безъ всякихъ колебаній рѣшительно заявилъ, что предпочитаю рыбій жиръ, и съ тѣхъ поръ глоталъ его аккуратно ежедневно безъ всякаго протеста, а потомъ даже и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.

Ну, а чувство собственнаго достоинства? Странно: оно у меня не пострадало,—должно быть, оно находится у меня въ другой, болѣе благородной части тѣла, но что оно у меня не было атрофировано, показываетъ слѣдующій фактъ.

Къ намъ въ домъ пріѣхалъ изъ Петербурга погостить родственникъ съ сыномъ—мальчикомъ постарше меня года на три или четыре, который уже гдѣ-то научился курить. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ онъ курить. Онъ началъ меня соблазнять, но табачный дымъ былъ мнѣ противенъ. Тогда онъ сталъ стыдить меня: „Какая баба! Даже затынуться не можетъ!“ Я затынулся—послѣдствія были ужасны, но тѣмъ не менѣе самолюбіе мое такъ страдало, мнѣ такъ хотѣлось не быть „бабой“, что я постепенно приучилъ себя дѣлать видъ, будто бы курю. Папирось тогда въ Варшавѣ не было, курили сигары и трубки. Я обзавелся трубочкой, и мнѣ доставляло особенное удовольствіе подражать опекуну, который всегда на ночь, уже въ постели, выкуривалъ трубку изъ длиннаго чубука. Длиннаго чубука у меня не было, но я свою трубочку непременно на сонъ грядущій посасывалъ, кладя ее потомъ подъ подушку. Случилось однако такъ, что я, не успѣвъ ее припрятать, заснулъ.

Утромъ просыпаюсь,—трубки нѣтъ. Куда она дѣвалась? Я подумалъ, что взялъ ее опекунъ, тѣмъ болѣе, что ни фрейлейнъ Клара, ни сестра мнѣ о трубкѣ ничего не сказали. Натерпѣлся же я страха. Что-то будетъ, что-то будетъ! А предстояло тотчасъ же идти къ

опекуну, чтобы, какъ было заведено, съ нимъ поздороваться. Пріоткрываю дверь и вижу на самомъ верху этажерки-подставки для длинныхъ трубокъ красуется моя трубочка—такъ и бросается, подлая, въ глаза. Я готовъ сквозь землю провалиться, во рту сухо, ноги подкашиваются, но иду здороваться. Приближаюсь, а старикъ, по обыкновенію, протягиваетъ мнѣ руку для поцѣлуя, потомъ подставляетъ щеку, но предварительно смотритъ на меня, и взглядъ его такой укоризненно-печальный, что у меня слезы вдругъ брызнули изъ глазъ. Онъ спокойно сказалъ:

— Ну, что же, идешь чай пить?

Затѣмъ отвернулся и углубился въ свои бумаги. Я вышелъ изъ комнаты, выпилъ свой стаканъ, взялъ положенные уроки у фрейленъ и у домашняго учителя, но былъ разсѣянъ: все мерещился печальный взглядъ опекуна. Этотъ взглядъ остался у меня въ памяти на всю жизнь, и отъ многого дурного онъ меня потомъ удерживалъ. Должно быть, въ человѣкѣ есть болѣе чувствительное мѣсто, чѣмъ то, по которому я получилъ удары за упорный отказъ пить рыбій жиръ.

Впослѣдствіи я часто по поводу разныхъ педагогическихъ вопросовъ спрашивалъ себя, почему вліяніе моего опекуна на меня было такъ сильно. За исключеніемъ тѣхъ розогъ, которыя я получилъ за отказъ принимать рыбій жиръ, онъ меня никогда въ жизни не наказывалъ, да и эти розги въ сущности не были наказаніемъ, а средствомъ убѣдить меня, что есть сила болѣе значительная, чѣмъ мое упрямство. Чтобы между моимъ опекуномъ и мною существовали особенно нѣжныя отношенія, я тоже не могу сказать: они съ виду скорѣе были сухи, хотя я чувствовалъ, что онъ меня глубоко любитъ и что, если онъ со мною обращается сравнительно холодно, то только потому, что опасается быть несправедливымъ по отношенію къ сестрѣ, которую онъ больше ласкалъ именно потому, что меньше любилъ. Но не эта взаимная любовь заставляла меня его безгранично уважать и безусловно довѣрять нравственному его существу, даже когда я признавалъ его сужденія невѣрными. То, что составляло истинный нервъ моего къ нему уваженія, коренилось въ чемъ-то другомъ: сколько я теперь ни припоминаю, я не могу вспомнить ни малѣйшаго его уклоненія отъ того, что онъ признавалъ своимъ долгомъ.

Работникъ онъ былъ изумительный. До отставки я его отдыхающимъ не запомню. Чай онъ пилъ, завтракалъ, обѣдалъ на ходу. Бумаги, пріемы, разъѣзды наполняли весь его день, и только вечеромъ онъ иногда урветъ часъ-другой для чтенія въ вольтеровскомъ креслѣ любимыхъ книгъ, преимущественно историческихъ или политическихъ, или газетъ и журналовъ, которыхъ онъ получалъ много

(въ томъ числѣ и „Колоколъ“). Особенно кипуча была его дѣятельность, когда онъ замѣщалъ варшавскаго генералъ-губернатора, а это случалось нерѣдко: тогда у него не было ни минуты свободной. Но и въ обыкновенное время онъ вѣчно горѣлъ, какъ въ огнѣ, и даже ночью часто не имѣлъ покоя, потому что въ его служебныя обязанности входило быть на всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ пожарахъ, и когда они случались ночью, онъ срывался съ постели и стремглавъ, въ сопровожденіи своихъ двухъ казаковъ, летѣлъ на мѣсто пожара. Разъ случилось, что, когда онъ ночью садился на свою неизмѣнную пролетку, чтобы мчаться на пожаръ, кучеръ его предупредилъ, что экипажъ какъ будто не совсѣмъ въ порядкѣ послѣ вчерашней усиленной ѣзды.

— Пошелъ!—скомандовалъ старикъ (ему было тогда 72 года).— Чинить будемъ, что-ли?

Не успѣлъ онъ однако доскакать до Новаго Свѣта, какъ вслѣдствіе порчи экипажа на всемъ скаку грохнулся о мостовую, въ безсознательномъ состояніи былъ принесенъ домой, пролежалъ шесть недѣль въ постели, но еще не оправился окончательно, какъ снова стремглавъ летѣлъ, куда его призывалъ долгъ службы.

Когда я впоследствии присматривался къ разнымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ, иногда съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ я въ дѣтствѣ и юности присматривался къ моему опекуну и его друзьямъ: Фундуклею, Павлицеву, Муханову, гр. Нессельроде, Дьякову, Теннеру и др., мнѣ все казалось, что постепенно происходитъ какая-то перемѣна, что прежніе дѣятели были другіе люди, что въ нихъ была сила духа, какую я чѣмъ позже, тѣмъ рѣже встрѣчалъ. Невольно напрашивался на умъ лермонтовскій стихъ:

Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы.

Чѣмъ же позднѣйшее „племя“ отличалось отъ прежняго? Одинъ эпитетъ „богатыри“ вѣдь еще немного выясняетъ. Мои наблюденія привели меня къ выводу, что постепенно центръ тяжести духовнаго существа человѣка все болѣе перемѣщался изъ общественной и государственной жизни въ жизнь личную. Вѣковѣчный вопросъ о томъ, существуетъ ли общество и государство для индивида или наоборотъ индивидъ—для общества и государства, рѣшался у прежняго „племени“ въ пользу общества и государства, а у позднѣйшаго все больше въ пользу индивида. Прежнее „племя“ примыкало всей душой къ крупному, великому, каковымъ были для него обществен-

ныя и государственныя задачи, выработанныя вѣками и цѣлымъ рядомъ поколѣній. Въ этихъ историческихъ задачахъ оно находило центръ тяжести своего духовнаго существа. Ему не приходилось вѣчно спрашивать себя о цѣли своего существованія. Оно твердо знало, куда и зачѣмъ идетъ. Поэтому отличительными его чертами были: спокойствіе, уравновѣшенность, увѣренность въ себя, иногда величавость, но чѣмъ дальше отъ прежняго „племени“, тѣмъ сильнѣе чувствовалась напряженность, лихорадочность, внутренняя тревога, показная самоувѣренность. У прежняго „племени“ человекъ ступеневывался, выдвигалось дѣло. У позднѣйшихъ поколѣній индивидъ все больше выдвигался на первый планъ, а дѣло все больше отодвигалось на второй: человекъ переставалъ себя чувствовать частью цѣлаго, онъ уходилъ все болѣе въ себя, въ свое личное счастье, а такъ какъ личное счастье—почва очень зыбкая, то вся жизнь его становилась неустойчивой, противорѣчивой. Онъ часто самъ не зналъ, къ чему стремится, мѣнялъ жизненныя цѣли и вѣчно чувствовалъ неудовлетворенность. Чѣмъ сильнѣе онъ стремился къ личному счастью, тѣмъ меньше его находилъ. Вся его жизнь превращалась въ вѣчную тревогу за себя, за свое здоровье, за свое благополучіе, за своихъ дѣтей, ибо все это пріобрѣтало для него какое-то чрезвычайное значеніе. Собственная личность, иногда мизерная, заслоняла все остальное. Но не ясно ли, что даже значеніе видныхъ дѣятелей—въ сущности не Богъ вѣсть какое, и что въ жизни достигаются крупныя успѣхи только соединенными усилями многихъ людей, сплоченныхъ и дружныхъ?

У прежнихъ дѣятелей собственная личность играла второстепенную роль, теперь же индивидуализмъ все заѣдаетъ.

Поясню мою мысль примѣромъ. Мой опекунъ меня горячо любилъ. Это краснорѣчиво подтверждается кипю его писемъ ко мнѣ, которыя я свято храню. Въ особенности подъ конецъ жизни онъ, такъ-сказать, дышалъ только мною, и всѣ его помыслы были обращены на меня. Казалось бы, при такихъ условіяхъ было вполнѣ естественно ожидать, что онъ мнѣ оставитъ свое состояніе. Всѣ такъ и думали, а друзья настойчиво совѣтовали ему усыновить меня, чтобы я могъ наслѣдовать маіоратъ, уже въ то время дававшій до 3.000 ежегоднаго дохода и переходившій, въ противномъ случаѣ, въ виду бездѣтности моего опекуна, къ потомству старшей его сестры, единственный солидный представитель котораго, офицеръ Кексгольмскаго императора австрійскаго полка, умеръ въ 1863 г. Друзья, повторяю, настойчиво ему совѣтовали меня усыновить, къ этому побуждала его и нѣжная любовь ко мнѣ, но онъ рѣшилъ иначе, и хотя мнѣ всю жизнь пришлось бороться съ мате-

ріальной нуждой, и иногда скудный хлѣбъ русскаго писателя мнѣ доставался съ напряженіемъ всѣхъ силъ и съ большими лишеніями, я, какъ тогда, такъ и теперь, вполне понимаю и одобряю его рѣшеніе.

Въ немъ боролись два чувства: любовь ко мнѣ побуждала его внять голосу друзей и собственнаго сердца, но его потребность и привычка служить вѣрой и правдой обществу и государству рѣшительно удерживала его отъ шага, который могъ быть истолкованъ въ смыслѣ предпочтенія, оказаннаго личнымъ стремленіямъ предъ общественнымъ долгомъ. Какое дѣло было другимъ, что онъ вздумалъ взять воспитанника и привязаться къ нему? Это—его капризь, его фантазія. Могъ ли онъ, ради удовлетворенія этой фантазіи, забыть о своемъ долгѣ передъ родомъ (родовое начало было еще очень сильно въ немъ) и государствомъ? Всю свою жизнь онъ заботился о своемъ родѣ, который оказывалъ ему уваженіе и послушаніе, какъ старшему своему члену; всю свою жизнь онъ служилъ вѣрой и правдой государству, и вдругъ завершить ее обходомъ закона, воспользоваться своими связями, своимъ вліяніемъ на Государя, чтобы нарушить то, что обязательно для другихъ. Это казалось ему своего рода измѣною. И онъ съ тяжелымъ сердцемъ (я это знаю) принесъ личное чувство въ жертву общественному долгу. Честь и слава ему за это!

И. А. Гончаровъ.

У моего опекуна были три сестры: Екатерина, Елизавета и Марія, изъ нихъ вторая, по мужу Жуковская, была матерью извѣстнаго въ свое время поэта, Александра Кирилловича Жуковскаго, писавшаго подъ псевдонимомъ Бернетъ (о поэзиі его Бѣлинскій выразился, что она „благоухаетъ ароматнымъ цвѣтомъ прекрасной внутренней жизни“), а первая была бабкой Ивана Ивановича Лъховскаго, въ качествѣ переводчика совершившаго вмѣстѣ съ Гончаровымъ кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ „Паллада“ и напечатавшаго свои путевыя впечатлѣнія въ томъ же „Морскомъ Сборникѣ“ (1861 и 1862 г.г.)¹⁾.

¹⁾ На внучкѣ той же Екатерины Ивановны былъ женатъ Иванъ Петровичъ Ларіоновъ, собиратель народныхъ пѣсенъ въ Поволжьи и авторъ оперы: „Барышня-крестьянка“. Въ той или другой степени родства или свойства съ Тутчеками находились: Еремины, Жуковскіе, Дамперовы, Подбароновы, жившіе всѣ въ приволжскихъ губерніяхъ, хотя семья Тутчековъ, чешско-нѣмецкаго происхожденія, жила въ Ямбургскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи.

Вотъ въ домѣ этого Ивана Ивановича Льховскаго и его матери, вдовѣвшей уже тогда, я и встрѣчалъ Гончарова. Они занимали казенную квартиру (Льховскій управлялъ тогда типографіей морского вѣдомства) въ зданіи Адмиралтейства. Входъ въ квартиру Льховскихъ былъ со стороны Зимняго дворца. Надо было открыть двѣ тяжелыя двери, выйти на затѣненную двумя стѣнами набережную засыпанной теперь уже кававки (нынѣшній Черноморскій переулокъ), перейти мостикъ и открыть третью дверь, которая вела въ квартиру Льховскихъ. Здѣсь почти всегда царилъ таинственный полу-мракъ, въ самой квартирѣ было много причудливыхъ вещей, вывезенныхъ Льховскимъ съ Дальняго Востока; самъ хозяинъ, черный, высокій, худой, ходилъ дома въ какомъ-то длиннополомъ одѣяніи, не то халатѣ, не то кимоно, и все это, понятно, сильно дѣйствовало на воображеніе 16-лѣтняго гимназиста, какимъ я былъ тогда. Льховскій рѣдко удостоивалъ меня сколько-нибудь продолжительной бесѣды, но я не былъ въ претензіи, потому, во-первыхъ, что онъ мнѣ казался ужъ черезчуръ серьезнымъ, а во-вторыхъ, еще и потому, что за его пренебреженіе съ лихвою меня вознаграждала его мать, Елизавета Тимоѣевна. Она меня почему-то сразу полюбила и не только охотно бесѣдовала со мною, но и угощала меня на славу. Мнѣ старуха также очень полюбилась, и я охотно бывалъ у нея по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ (съ нея я списалъ мать героя моей повѣсти: „Леонтина“).

Кромѣ меня по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ Льховскимъ иногда заходилъ и Гончаровъ. Онъ былъ тогда членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати и редакторомъ „Сѣверной Почты“, — мужчина лѣтъ 50, небольшого роста, съ пробритымъ подбородкомъ, съ начинавшими уже сѣдѣть густыми усами, бакенбардами и волосами, тщательно приглаженными. Костюмъ сидѣлъ на немъ мѣшковато, но все было опрятно, только помню (я самъ любилъ тогда пощеголять), что половинки воротника рубашки были постоянно у него плохо пригнаны и какъ-то безпорядочно расходились. Я успѣлъ уже прочесть „Обломова“ очень внимательно, безъ ума влюбился въ Ольгу, и меня занималъ вопросъ, который такъ сильно занималъ впоследствии критиковъ, — не изобразилъ ли Гончаровъ въ лицѣ Обломова самого себя. Поэтому я съ большимъ любопытствомъ его разглядывалъ, даже изучалъ. И я сразу пришелъ къ отрицательному отвѣту. Конечно, герой Ольги не могъ быть такимъ молодымъ, какъ я, — въ такого Ольга не могла влюбиться, но и къ такому старику, какъ Гончаровъ, она не могла, конечно, воспылатъ страстью, и, стараясь отдать себѣ въ этомъ отчетъ, я внимательнѣйшимъ образомъ присматривался и къ его костюму, и

къ его манерамъ, и къ его лицу. И тутъ-то меня кое-что смущало. Я невольно любовался его тонкимъ, правильнымъ, благороднымъ носомъ, а главное, его глазами, умными, вдумчивыми и въ то же время такими печальными, что самому вдругъ грустно станеть. Въ эти глаза Ольга безъ сомнѣнія могла влюбиться и, пожалуй,—помню, меня эта мысль самого тогда сильно поразила—забыть объ остальномъ. Мнѣ такъ и хотѣлось подойти къ Гончарову и сказать ему что-нибудь теплое, доброе, хорошее, чтобы онъ не былъ такимъ грустнымъ и чтобы онъ не дошелъ до того, до чего дошелъ Обломовъ... Да, я Ольгу понималъ!

Гончарову, надо было, чтобы пройти въ кабинетъ къ Льховскому, миновать небольшую гостиную, въ которой я обыкновенно засѣдалъ съ Елизаветой Тимоѣевной. Онъ считалъ долгомъ вѣжливости обмѣняться съ нею нѣсколькими словами, при чемъ на ея приглашеніе сѣсть неизмѣнно отвѣчалъ вопросомъ:

— А Иванъ Ивановичъ дома?

Тотъ всегда оказывался дома, и Гончаровъ, отвѣсивъ почтительный поклонъ Елизаветѣ Тимоѣевнѣ и дружелюбно кивнувъ мнѣ, направлялся въ кабинетъ къ Ивану Ивановичу.

Что тамъ происходило, или, точнѣе говоря, о чемъ тамъ бесѣдовали бывшіе товарищи по кругосвѣтному плаванію, я не знаю, но помню, когда дверь отворялась, чтобы пропустить горничную приносившую Гончарову стаканъ сельтерской воды съ вареньемъ, тщательно приготовленный самою старушкой, до меня доносились разныя дальневосточныя названія, свидѣтельствовавшія о томъ, что собесѣдники все еще предаются воспоминаніямъ о своемъ путешествіи, о которомъ вообще часто говорилось въ домѣ Льховскихъ, доносился и ароматный дымъ манильскихъ сигаръ, и я видѣлъ, какъ Гончаровъ неизмѣнно полулежалъ на широкомъ мягкомъ диванѣ, окружавшемъ кабинетъ, а высокая фигура самого Льховскаго видѣлась у письменнаго стола, легко наклоненная къ полулежавшему писателю. Затѣмъ дверь захлопывалась, и все исчезало. Гончаровъ обыкновенно уходилъ до обѣда или же я уходилъ раньше, такъ что я видѣлъ его только въ то время, когда онъ проходилъ черезъ гостиную, направляясь въ кабинетъ Льховскаго. Краткія бесѣды, которыя онъ велъ съ Льховской, проходя черезъ гостиную, были такъ незначительны, что ни одна не осталась у меня въ памяти, равнымъ образомъ и вопросы, съ которыми онъ иногда обращался ко мнѣ, ничѣмъ не отличались отъ вопросовъ, съ какими старшіе обращаются къ подросткамъ-мальчикамъ, такъ что и ихъ я не запомнилъ, но одинъ разговоръ Гончарова такъ врѣзался мнѣ въ память, что, вспоминая о немъ, я какъ теперь вижу и комнату,

въ которой онъ происходилъ, и Елизавету Тимоѣевну, и самого Гончарова.

Я забылъ упомянуть, что Гончаровъ приводилъ къ Лъховскимъ неизмѣнно свою собачку. Это былъ не то мохнатый пинчеръ, не то шпицъ (я плохо тогда различалъ породы собакъ), во всякомъ случаѣ собака небольшая, мохнатая, чистенькая, съ умными глазами. Она ни на шагъ не отходила отъ своего хозяина, стояла около него, когда онъ стоялъ, ложилась, когда онъ садился, свертывалась калачикомъ, когда онъ велъ продолжительную бесѣду: въ кабинетѣ у Лъховскаго, когда дверь открывалась, я видѣлъ ее всегда мирно спавшую у ногъ своего хозяина, въ гостиной она всегда была на чеку, хотя признаковъ какого-нибудь безпокойства никогда не проявляла.

Когда Гончаровъ въ это воскресенье вошелъ въ гостиную, Елизавета Тимоѣевна, лукаво взглянувъ на него исподлобья, спросила:

— Ой, не пора ли? Вѣдь и опоздать можно.

Разговоръ, очевидно, касался темы, уже раньше между ними затронутой.

Улыбка, игравшая на подбородкѣ Гончарова, исчезла, красивые его глаза стали печальными.

— Давно опоздалъ, Елизавета Тимоѣевна, — отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ, какъ женщинѣ, виднѣе, — возразила Лъховская: — но терять времени не слѣдуетъ.

По лицу Гончарова пробѣжала такая густая тѣнь, что Елизавета Тимоѣевна была озадачена — я это ясно видѣлъ — а мнѣ стало какъ-то жутко. Тѣнь быстро смѣнилась печальною улыбкою, и Гончаровъ сказалъ, указывая на свою собачку:

— Вотъ вѣрный другъ! Онъ не измѣнитъ... не обидитъ.

И, словно устыдясь чего-то, онъ быстрѣе обыкновеннаго поклонился Елизаветѣ Тимоѣевнѣ и исчезъ вмѣстѣ съ своей собачкой за дверь кабинета.

Елизавета Тимоѣевна послѣ его ухода сидѣла въ задумчивости, а я не смѣлъ прерывать молчанія.

Эта сценка навсегда запечатлѣлась въ моей памяти, но особенно отчетливо я ее вспомнилъ лѣтъ семь спустя, когда, кончая курсъ въ университетѣ, дочитывалъ „Обрывъ“.

Я вспомнилъ тутъ сразу и Наденьку изъ „Обыкновенной исторіи“, исключительно озабоченную тѣмъ, чтобы подцѣпить выгоднаго жениха, и безотвѣтную, хотя столь симпатичную Лизавету Александровну изъ того же романа, и Ольгу изъ „Обломова“, умную, увлекательную Ольгу, но озабоченную единственно личнымъ своимъ

счастьемъ, и, наконецъ, вотъ эту Вѣру, съ трагедіей жизни которой я только-что познакомился, то восторгаясь, то волнуясь до внутренней дрожи, то негодуя,—ту трагедію жизни, которая вызывается борьбою между жаждою личнаго счастья и сознаниемъ общественнаго долга. Могли ли пустыя Наденьки, безотвѣтныя Лизаветы Александровны, жаждавшія только личнаго счастья Ольги, еще не пришедшія къ сознанию своего общественнаго долга Вѣры быть избранницами, подругами жизни того, кто такъ ясно, какъ Гончаровъ, созналъ свой долгъ передъ страной? Каждая строчка его произведеній служила мнѣ теперь, уже умственно окрѣпшему юношѣ, свидѣтельствомъ возвышенности его общественныхъ идеаловъ, и легко ли человѣку, съ такимъ возвышеннымъ душевнымъ строемъ, найти себѣ товарища на всю жизнь, жену, призваніе которой и состоитъ въ томъ, чтобы быть если не единственнымъ, то вѣрнѣйшимъ другомъ своего мужа въ лучшихъ его помыслахъ и дѣлахъ?

Теперь я уже не спрашивалъ себя, можетъ ли Ольга влюбиться въ Гончарова, я спрашивалъ себя, могутъ ли его героини сами оказаться достойными его любви, я проникался къ нему чувствомъ глубокаго уваженія, почти почитанія, тѣмъ чувствомъ, которымъ я былъ проникнутъ къ только-что утраченному мною моему опекуну (онъ умеръ въ годъ появленія „Обрыва“), также ставившему общественный долгъ, долгъ передъ страной, выше всего, и жаждалъ, и въ то же время страшился принять на свои слабыя плечи крупицу тяжелаго, но и великаго наслѣдія исчезавшихъ поколѣній.

Р. Сементковскій.

